

Опалимые

Джун Мотидзуки

Джун так часто слышал о минимальном количестве своих недостатков, что мог бы уверовать чуть ли не в собственное совершенство, если бы не знал своих "врагов" лучше, чем кто-либо другой. И главными из них он не беспочвенно считал излишнее любопытство и чрезмерную дотошность, не раз загонявшие его в достаточно непростые ситуации, из которых потом приходилось долго и упорно выпутываться. Вот и пару недель назад, воспоминания о старом полуразрушенном доме, некогда занимавшем все его мысли, вторглись в его спокойную счастливую жизнь и понесли юношу в деревню за новыми картинками прошлого. И, естественно, уже первая из них, вызвала желание узнать больше, чтобы раскрыть для себя таинственную и кровавую историю, становящуюся все более и более запутанной.

Чем больше он узнавал, тем лучше понимал, что, несмотря на частую ругань, старший сын никогда не стал бы убивать отца, как рассказывала деревенская легенда. А еще эта девушка... Мотив песенки которой так долго не выходил у него из головы. Джун видел ее слишком часто, хотя официально она даже не жила в этом доме, и ее просто не существовало. И, желая докопаться до истины молодой шаман снова вызывал осколки прошлого, пытаясь увидеть что-то, способное дать ответ хотя бы на часть его вопросов.

Сегодняшний очередной сеанс начинался также, как обычно. Джун забрался на свое излюбленное место и достаточно быстро вошел в транс, давно уже решив свои проблемы с головными болями и попытками оторваться от реальности, а потому не боясь последствий своих экспериментов. Сначала он не видел ничего интересного. Какие-то бытовые сцены, когда уже хорошо знакомые ему фигуры скользили мимо, словно его здесь и не существовало. А потом наступила тьма... Давящая, выматывающая, за которой вдруг возник режущий глаза свет, полившийся из соседней комнаты и словно выбрасывающий вперед фигуру младшего из братьев, чье перекошенное от ужаса лицо смотрело куда-то в его сторону. Джун перевел взгляд на свои ноги и увидел как вокруг них начало постепенно растекаться пугающее пятно крови, как будто это он сам истекал кровью, а не человек, который, вероятно, когда-то находился ровно на том месте, где сейчас он сам. И это зрелище вызвало приступ паники, который, пожалуй, случался с ним впервые в жизни, хоть он за последнее время и привык иметь дело с мертвыми. Липкой, противной паники, оплетающей его своими сетями и не дающей сразу выйти из трансового состояния.

А потом в его и без того не привлекательный мир вторгся запах гари, пугающий ничуть не меньше вида крови вокруг собственных ног и заставляющий приложить все усилия, чтобы выбраться из "клетки", в которую он загнал себя сам, и не присоединиться к давно умершим людям, интерес к которым в очередной раз грозил привести к серьезным последствиям.

Маркус Агирре

Маркус Агирре иногда спускался в деревню, чтобы выполнить какие-то поручения для монастыря. Иногда просто бродил по горам, думая, что можно попробовать

завести небольшую пасеку, заняться пчеловодством. Периодически выпускал своего зверя и охотился. Раны его зажили, не без помощи магии, конечно, и все вроде бы было хорошо. Даже больше - ему настолько нравилось помогать другим, что он сам этому удивлялся.

Но это было приятно, и он старался не думать об этом. Он просто делал так, как считал нужным, иногда не берясь выполнять скучные задания вроде мытья полов в храме. Потому что он никогда раньше не мыл полы - не было надобности.

А сегодня он снова пошел в деревню. Тропинка как обычно петляла, но на подходе в деревню он увидел клубы черного дыма. До обонятельных рецепторов донесся запах гари, и Маркус сорвался на бег. Около дома, из некоторых окон которого вырывались клубы дыма, столпились люди. Из разговоров людей Маркус понял, что туда пошел Джун, а потом дом вспыхнул.

С огнем молодой Агирре предпочитал не связываться, но мысль, что там может оказаться друг, заставила его что-то делать. Он вспомнил, что от отравления угарным газом может помочь мокрая тряпка, которой закрывают лицо, и побежал к колодцу, снимая с себя рубашку. Намочив ее, он побежал обратно и, глубоко вдохнув, вошел в дом.

Было жарко. И было много дыма. Глаза щипало.

- Джун! Ты здесь? - Крикнул он и закашлялся. В горле запершило. - Джун!

Он прошел вглубь дома.

Джун Мотидзуки

Отправляясь сегодня в деревню, Джун и подумать не мог, что его привычное занятие может перейти в борьбу за собственную жизнь. Он уже не видел ни крови, ни испуганного человеческого лица, барахтаясь в сером дымном сгустке и изо все сил пытаясь выбраться за пределы этого мирка, пытающего его засосать, проникнуть сквозь его кожу внутрь и сделать свою бессильную жертву такой же бесформенной серой массой, каким являлся сам. Но, чем плотнее Джун окутывал становящийся все более темным дым, тем сильнее он хотел выбраться. Где-то там далеко его ждали любимые люди. Люди, которым он был нужен и которые бы страдали, исчезни он из их жизни. Его семья, его друзья, его Доминика...

Имя любимой девушки беззвучно слетело с его губ, за секунду до того, как Джун зашелся тяжелым кашлем, наконец, вернувшись в реальность. В носу и горле першило, из глаз лились слезы, сердце стучало как сумасшедшее, а голову словно тисками схватывало от противной боли, не похожей на ту, к которой юноша уже привык. Мир людей оказался таким же враждебным, как и мир духов: вокруг горело многочисленное старое барахло, оставшееся от прежних владельцев и пополнившееся стараниями местных детишек. И пусть огонь еще не подобрался к нему самому, того времени, что он неосознанно провел задымленном домике, вполне хватило, чтобы практически полностью вывести его из строя.

Джун попытался встать на ноги, но ослабевшие конечности не желали его

слушаться, роняя его обратно и снова заставляя зайти кашлем. Выход, находящийся в опасной близости от огня, маячил где-то впереди, но единственное, чего смог добиться молодой человек, это встать на колени, прикрыть нос и рот рукой и сделать несколько неловких движений в его сторону. В какой-то момент Джуну показалось, что он расслышал собственное имя, но шум в ушах, начавшийся с легкого гудения и постепенно разросшийся до невыносимого гуда, "крал" большую часть посторонних звуков, не позволяя надеяться на постороннюю помощь и, тем самым, оставит попытки выбраться самостоятельно.

Маркус Агирре

Ответа не последовало, и молодой человек сглотнул, понимая, что Джуна там может не быть, и стоит выбираться отсюда. Но он боялся сделать неправильный шаг, считая, что молодой шаман, которым является его друг, может просто не ответить, так как находится в трансе. Или же уже потерял сознание, надышавшись. Маркус мотнул головой от этой мысли, и почувствовал, как по спине прошёлся холодок.

- Джун! - Ещё раз крикнул Маркус и прислушался. Где-то что-то трещало, а тени, бросающиеся огнём, плясали на одной стене.

Маркус посмотрел под ноги. Рядом с ним был отпечаток ноги, предположительно Джуна. Носок смотрел в сторону дома, то есть Джун с наибольшей долей вероятности мог находиться в доме. Молодой человек сделал несколько шагов к самой большой комнате, в которой однажды и встретился случайно с Джуном, и наконец-то увидел потерявшегося человека. Тот сидел на коленях, и Маркус подошёл к нему.

- Чёрт, как ты?! - Спросил он и убрал свою рубашку с лица. Нашел более влажную часть и положил на лицо друга. - Держи. ты можешь на меня опереться?

Зря он это сказал, так как, оставшись без спасительной влаги, он сильно пожалел об этом. Горло сильно запершило, из глаз, которые защищало, полились слёзы, и он закашлялся. Обернулся назад.

Горящая балка упала с потолка и перекрыла им выход. В соседней с очагом возгорания комнате, где уже начала тлеть какая-то мебель или что-то другое (Маркусу было всё равно, что это такое, но он сначала принял это за небольшое кресло), было чудом уцелевшее окно. Нужно подойти к окну и открыть его. И... поток воздуха всё зажжёт, и их тоже. Если они не успеют выбраться.

Он посмотрел на балку, которая загородила им путь к спасению.

- Нам надо двигаться в ту комнату, - хриплым голосом сказал он. Он хотел добавить ещё что-то, но запах гари, от которого сильно кружилась голова и путалось сознание, не давал мыслить и говорить чётко. Снова сделав глубокий вдох, он через силу постарался не закашляться, из-за чего слёзы покатались градом, а тело бросило в пот, и, перекинув руку Джуна через себя, стал делать неуверенные ползки в сторону комнаты с окном, через которое можно выбраться.

А огонь подбирался всё ближе. Теперь уже горела пыль совсем рядом с ними...

Джун Мотидзуки

Не успел Джун толком продвинуться в сторону выхода, как перед ним замаячила знакомая фигура. Перед глазами все плыло, так что юноша не сразу смог сконцентрироваться, чтобы узнать в пришедшем к нему на помощь человеке Маркуса. А уж адресованных ему слов молодой Мотидзуки и вовсе не разобрал, пусть и догадался об их примерном содержании.

- Ммм... - только и смог изобразить Джун в ответ, но даже это небогатое проявление эмоций мгновенно прервалось из-за рухнувшей и загородившей путь к отходу балки. На секунду ему показалось, что им так и не суждено будет выбраться из этой дымной ловушки, но он не имел права сдаваться и, поскольку плохо соображал и ориентировался в пространстве, решил довериться Маркусу, который рискнул своей жизнью и здоровьем, чтобы его спасти. Юноша никогда не жалел, что не знает стихийной магии, но сейчас дорого бы отдал, имей он или его товарищ по несчастью способности к магии Огня. Но приходилось мириться со своей немощью, как и с тем, что вероятность появления еще кого-нибудь из монастыря, способного загасить пламя, равнялась практически нулю.

Тем временем, Маркус перекинул его руку через себя и потащил в соседнюю комнату, и Джун старался ему помогать, чем может, пусть и с каждой минутой слабел все сильнее. Сознание постепенно начало уплывать, в то время как грудь и горло раздирало от подступающего кашля. Но постепенно они все-таки смогли придвинуться, как юноша через какое-то время смог понять, к окну, в котором еще сохранилась рама и стекло, пусть последнее и давно пошло трещинами, грозя в любой момент разлететься и встретить пытающихся спастись молодых людей своими острыми осколками.

Маркус Агирре

Джун слабел, и Маркус хотел было покачать головой, но это сделать было сложно, и он ограничился лишь на несколько секунд прикрытыми глазами. В весовой категории они были примерно одинаковыми, и это пугало. Тяжести Маркус не поднимал ранее, но сейчас был не тот момент, чтобы сдаваться. К тому же огонь подбирался быстрее, чем они уходили от него, и молодой человек всеми силами пытался сохранить хладнокровие, но сделать это было не так просто, учитывая, что гиена внутри начала рычать и бояться. Звери боятся огня, и, видя его, начинают вести себя неадекватно. Но парень не мог сдаться, так как от его здравого смысла зависела жизнь Джуна. Он не мог бросить друга в беде.

Ему было страшно, и страх постепенно глушил здравый смысл, а сознание тоже уплывало. Было очень жарко, а дышать было очень тяжело. Горло драло, воздух вырывался с хрипами, но они доползли до окна. Маркус оставил друга и поднялся. Локтем разбил окно, и поморщился от боли. В нос ударил запах крови, но сейчас было не до этого. Потмоу что из-за кислорода, поступившего в дом, кресло вспыхнуло как спичка, и молодые люди оказались слишком близко к огню. Маркус увидел, что начал тлеть ботинок на ноге Джуна, и быстро снял с него обувь. К продуктам горения добавилась ещё резина, которая тлела.

А окно было не полностью разбито, и Маркус, взяв свою рубашку, намотал её на руку и удалил ею осколки. Теперь можно вытаскивать Джуна. Взяв его подмышки, он

потацил потерявшего (или теряющего) сознание парня к окну и перевалил его через него. Убедившись, что тот находится в безопасности, он стал лезть сам, но напоролся на один осколок и поранил себе живот. На секунду выпрямился и посмотрел на растекающееся на футболке пятно. Этого мгновения хватило, чтобы сделать вдох и потерять сознание, тяжело рухнув на пол. Огонь начал лизать его брюки...

Джун Мотидзуки

Хоть до окна они и добрались, это еще не гарантировало спасения, что Джун понимал, даже несмотря на свой помутившийся рассудок. Он снова попытался предпринять какие-то вялые попытки помочь Маркусу, но пока тот возился с окном, юноша даже не смог толком сдвинуться с того места, где его оставили, а уж не то, что присоединиться к разбиванию стекла в окне, которое, похоже, заклинило настолько, что его невозможно было открыть обычными методами.

В какой-то момент Джун практически перестал понимать, что происходит. Дымка перед глазами, шум в ушах и уплывающее сознание - все это не давало ему определить, достиг ли Маркус каких-нибудь успехов в деле разбивания окна ровно до того момента, как его похватили и куда-то потащили, очень скоро начав выталкивать через это самое окно, уже лишившееся стекла. Боли Джун не чувствовал, хотя благодаря самому процессу заработал немало мелких царапин, а под конец и синяков, вывалившись столь же изящно, как если бы был мешком с хламом, и приземлившись не самым удачным образом.

Из-за своего неприятного перемещения, Джун даже на какое-то время обрел некоторую ясность сознания, чтобы с ужасом обнаружить, что Маркус не смог последовать за ним, оставшись где-то в доме, в то время, как его самого чьи-то сильные руки начали оттаскивать в сторону. Юноша попытался крикнуть, прося помощи, но вместо этого только закашлялся, беспомощно дергая рукой в сторону окна, словно собравшиеся вокруг люди и без того не понимали, что в доме еще оставался человек, чья жизнь сейчас находилось под угрозой.

Маргарита Эрнандес

Всю последнюю неделю Маргарита думала, что уже как-то засиделась в монастыре, и что стоило бы подумать о возвращении домой, но из-за Рэна, который здесь спал намного лучше, чем в Токио, да и вообще вел себя примернее, продолжала откладывать перелет на неопределенный срок. И, пока она оставалась в Линь Ян Шо, Рита решила не тратить время напрасно, понемногу исполняя свои мастерские обязанности и принося пользу в качестве дежурного врачевателя, благо из-за отсутствия наплыва больных и колечных напрягаться ей особенно не приходилось.

Сегодня Маргарита дежурила в деревенском лазарете, договорившись с одной измышленых местных девушек, чтобы та, в случае чего, могла присмотреть за Рэном. Несколько долгих скучных часов ничего не происходило, если не считать парочки детишек с простудой, и старушки, которая, скорее, просто хотела с кем-нибудь поболтать, а не получить реальную помощь. Но, как это часто бывает, все изменилось за мгновение, когда прибежал один из местных жителей и сообщил о начавшемся в деревне пожаре. И Маргарита, понимая, что со своей магией Огня, просто не может оставаться в стороне, дала указания, касающиеся сына, и быстрым

шагом направилась в указанную сторону, достаточно быстро начав ориентироваться по запаху гари.

К моменту ее появления несколько энтузиастов уже начали тушить пожар, правда особых успехов им достичь так и не удалось. А еще внимание Маргариты привлекло находящееся в непотребном состоянии тело ее, в каком-то смысле, младшего брата, пытающегося о чем-то попросить, указывая на окно. Догадавшись, что в доме остался кто-то еще, Рита не стала тратить время на бесполезные расспросы, подойдя поближе и настроившись на работу с энергией пламени, которую постепенно начала вбирать, стараясь сразу перераспределять ее по телу. Маргарите уже раньше приходилось делать нечто подобное, но вот масштабы были в разы меньше, поэтому полностью затушить огонь ей удалось совсем не так быстро, как хотелось бы. Несмотря на перераспределение энергии переполняла, требуя выплеснуться наружу в каком-нибудь великом подвиге, но рыжая старалась держать себя в руках, сконцентрировавшись, как только у нее появилась такая возможность, на осмотре Джун и краем глаза следя за тем, как из дома извлекают второго пострадавшего.

Маркус Агирре

Почему-то перед глазами стал появляться образ отца, и Маркус сильнее зажмурился. Из-за головокружения, боли и чувства страха, которое его съедало изнутри, молодой человек перестал понимать, где заканчивается реальность и начинается нечто другое, опасное и почему-то приятное. Ему хотелось оставаться в этой бездне. Там было тихо и спокойно, и там был отец. Почему-то сейчас он мечтал хотя бы в своих мыслях побыть с отцом, но что-то ему подсказывало, что это неправильное желание, и нужно разлепить глаза.

Запах гари, который начинал блокировать сознание, и угарный газ, который блокирует дыхательные движения, так необходимые живому человеку, не позволял ему шевелиться. Он был парализован, и страх тоже был в этом виноват. Но откуда-то издали донеслись какие-то крики, а потом на него что-то упало, и он оказался мокрым. До ушей донеслось шипение, и он открыл глаза. Из-за слёз ничего не было видно, и первое, что он почувствовал, было сильное жжение где-то в ноге. Шевелиться было тяжело, и он постарался что-то сказать, но из груди не вырывались даже хрипы.

Кто-то взял его и потащил куда-то, и он снова провалился в бездну, где был отец, которого он чуть не потерял в Африке. Из-за него отец рисковал своей жизнью, и Маркус начал понимать, что не может сейчас сдаться. Отец не сможет пережить второй раз известие о смерти. Нужно что-то делать. Но обволакивающая его сознание бездна была очень мягкой и навязчивой. Маркус не был уверен, что не хочет в ней остаться. А потом он понял, что страха уже нет. И холода нет. И ощущения, что ты весь мокрый. Нет ничего, только пустота.

Но то ли какой-то толчок, то ли резкая боль в руке вернули ему какую-то способность мыслить, и он попытался пошевелиться. А потом открыл глаза и закашлялся. Глоток свежего воздуха постепенно начал делать своё дело, и появилось головокружение.

- Джун... - прошептал одними губами молодой человек, тщетно пытаясь подняться, и

снова провалился куда-то...

Джун Мотидзуки

Переживая за Маркуса, Джун не сразу обратил внимание на появление еще одной весьма заметной фигуры, быстро изменившей имеющийся печальный расклад. Ему уже приходилось видеть Маргариту-сан в работе, но каждый раз ее способность управлять стихией вызвала у молодого человека трепет, поскольку подобные "фокусы" до сих пор плохо вписывались в его картину мира. И пусть сейчас из-за своего состояния Джун не понял большей части происходящего, ему вполне удалось уловить самое главное - постепенно огонь затух, и суется вокруг дома люди начали вытаскивать из дома Маркуса, пострадавшего чуть ли не больше, чем он сам.

- *Дурак, ты же убиться мог*, - попытался прошептать Джун, но из горла вырвался лишь хриплый звук, слабо напоминающий человеческую речь. Сейчас, когда рядом была Маргарита-сан, он больше не беспокоился за свою жизнь или жизнь Маркуса, но, даже балансируя между бодрствованием и полубабытьем, юноша прекрасно понимал, что не втащи его брат Яреци из дома, нэ-сан, скорее всего, ничего не успела бы сделать. Он привык к миру духов, но сам не стремился оказаться среди них, не желая терять все то, что ему удалось обрести в мире живых. И этот безумный поступок Маркуса, неважно, что он там не натворил в своей Африке, автоматически переводил его в разряд людей, которые могли рассчитывать на помощь и поддержку Джуну практически в любой, даже не самой красивой ситуации.

Маргарита Эрнандес

Какое-то время назад Маргарита считала Джуну самым разумным из мужчин Мотидзуки, с которыми ей приходилось близко общаться. Но, похоже, и его настигла семейная карма влипнуть во всевозможные неприятности, и та история с людьми Асаки не была случайностью. Ей даже начинало казаться, что она обречена спасать, лечить и успокаивать членов своей новой семьи, хотя, наверное, в этом не было ничего особенно плохого.

- Нет, ну ты головой хоть немного думал, когда туда лез? - Маргарита не знала, с чего все началось, но легко могла предположить, что Джун взялся за исследование старого дома по каким-то только ему известным причинам. - Бестолковый мальчишка! Надеюсь, мозги Рэн от меня унаследовал.

Во время своей беззлой ругани Маргарита успела изучить состояние юноши, и определила серьезное отравление, при котором ша-ци уже вышла за пределы легких. И такая работа требовала времени и сосредоточенности, что плохо подходило для полевого режима. Так что пока к Джуну подтаскивали второго пострадавшего, в котором она узнала Маркуса, пытающегося подавать вялые признаки жизни прежде чем окончательно отрубиться, Рита удалила только небольшую часть негативной энергии, стараясь немного облегчить состояние первого пациента перед переносом в лазарет.

Заметив, что Джун начал дышать немного легче, Маргарита сбросила ша-ци и перевела свое внимание на Маркуса, который тоже успел неплохо надышаться угарным газом, пусть и немного меньше, чем ее родственник, и плюсом к этому

умудрился сильно поранить локоть, разодрать живот и получить ожог на ноге. И понимая, что с его многочисленными болячками разбираться придется долго, Рита начала с того, что синей энергией остановила кровь и обезболила все основные раны, радуясь, что только перед этим неплохо "подкрепилась" вобрав энергию пламени горящего дома.

Покончив с оказанием первой помощи, Маргарита попросила нескольких крепких деревенских мужчин донести пострадавших до лазарета, и когда те выразили свое согласия и потащили не способные к сопротивлению тела, возглавила процессию, прокручивая у себя в голове план дальнейших действий.

Маркус Агирре

Какое-то время было тихо, а потом снова стали в сознание пробиваться голоса людей. Он нахмурился и пытался отделить реальность от этой бездны, но это было очень тяжело. В какой-то момент он услышал женский голос, и ему показалось, что он его слышал несколько раз.

Боль постепенно утихала и растворялась, и молодой человек смог-таки разлепить налившиеся свинцом веки. По ощущениям, его куда-то несли, и он почувствовал сильную головную боль, возникающую при каждом шаге человека (или это были люди?), который его несет. Он посмотрел на небо и плывущие по нему облака, а потом задрал голову и посмотрел вниз. На огненно-рыжие волосы знакомой девушки.

- Сеньоритта Эрнандез? - хрипло прошептал он. - Или мне называть вас сеньориттой Мотидзуки? Это... это... вы же не сон?

Сознание плавало где-то на границах разума, и он не особенно соображал, что говорит. И говорит ли? Или это просто игра его больного воображения? Он вернул голову назад и снова закрыл глаза.

Джун Мотидзуки

Голос Маргариты-сан вторгся в его сознание, и пусть Джун не смог разобрать большую часть ее слов, самого тона хватало, чтобы понять - она его ругала. Но ругала по вполне очевидной причине, из-за беспокойства за его подпорченную шкуру. И хоть молодой человек не имел сил и возможности ей что-то ответить, его благодарность не знала границ, пусть пока он и не мог ее толком выразить.

Джун так и не понял, что делала рыжеволосая врачевательница, но дышать ему стало легче и даже в голове немного прояснилось, пусть общее состояние пока еще и оставляло желать лучшего. И, только почувствовав возможность нормально ориентироваться в пространстве, юноша сразу повернул, пусть и не без труда, голову в сторону Маркуса, выглядящего так, словно он собирался в любой момент помереть.

- Нэ-сан, что с ним? - Джун был рад возвращению голоса, пусть тот сейчас и мало напоминал его собственный. Он не хотел отвлекать Маргариту, склонившуюся над очередным серьезным пациентом, но просто не смог удержаться от вопроса, чувствуя свою вину за все произошедшее.

Как только было покончено с оказанием первой помощи Маркусу, его снова подхватили крепкие руки и потащили, как он понял, в сторону лазарета, и Джун не стал сопротивляться или пытаться передвигаться самостоятельно, доверяя решению Маргариты-сан и, пользуясь моментом, пытаясь понять, как подобное вообще могло произойти, и кто мог являться виновником внезапного пожара.

Маргарита Эрнандес

Когда они шли к лазарету, одна немолодая, но очень активная жительница деревни, решившая составить ей компанию, рассказала немало интересного, но пока Рита решила не задумываться о причинах пожара, сосредоточившись на своей основной задаче. Джуна и Маркуса надо было поставить на ноги и начать, вероятно, стоило с последствий отравления, поскольку не слишком серьезные раны брата Яреци могли немного и подождать, особенно после того, как она провела первые манипуляции, призванные облегчить его состояние.

До лазарета их процессия добралась достаточно быстро, и Маргарита, указав куда положить пациентов, пока временные "носильщики" выполняли ее указания, проверила Рэна, чтобы убедиться, что тот из-за ее отсутствия не планирует разнести половину лазарета. Тот, к счастью, только негромко недовольно хныкал, так что немного его успокоив, она смогла сосредоточить свое внимание на пострадавших, начав с Джуна, поскольку серьезное отравление угарным газом без своевременной помощи не сулило ему ничего хорошего.

Маргарита потеряла счет времени, которое потратила на удаление ша-ци, успевшей проникнуть уже и в кровь, но, в итоге, своей работой она осталась довольна. После всех необходимых манипуляций, Джун избавился от последствий отравления, так что она могла спокойно переходить к Маркусу, которого девушка, параллельно присматривающая за Рэном, заботливо пыталась напоить водой.

- Ты, главное, мне не мешай, - попросила Маргарита, решив не добавлять рвущееся наружу "а то убью", приступая к работе. Рита терпеть не могла возиться с отравлениями, предпочитая обычные раны и травмы, но раз уж она начала этим заниматься, как следует напрактиковавшись на Джуне, стоило продолжить и на Маркусе, прежде чем перейти к его ранам, пусть и достаточно противным, но не представляющим угрозы для жизни.

Маркус Агирре

Сознание то уплывало, то возвращалось, и он облизал пересохшие губы. Звук шагов и тряска от этого отдавалась молотом в сознании, и он поморщился. Захотелось пить, но он не смог попросить воду, хотя ему показалось, что он попросил воды, но, вероятно, на самом деле ему это только показалось. Сейчас ему много чего казалось, и он снова запутался в паутинах реальности и сна. Перед глазами был какой-то лабиринт, а потом... Почему-то всё стихло.

Снова голоса, и он опять вернулся в сознание. Дышать было тяжело, создавалось ощущение, что вместо лёгких в груди находится какая-то каша, а в горле образовался противный комок. Он сглотнул и снова попросил воды. И снова ему показалось, что он ничего не сказал, а прохрипел. Паника, зарождающаяся где-то в

груди, распространялась по телу, и он зажмурился.

Его голову кто-то поднял, и он снова с трудом разлепил налитые свинцом веки. Перед ним склонилась какая-то девушка, а губ коснулась живительная влага. Но он не смог сделать простого глотательного движения, и вода вылилась из его рта. Он испуганно посмотрел на девушку.

- Ты ангел? Но у ангелов не бывает тёмных волос. Ты... дьявол? Ты пришла за мной, чтобы забрать с собой в Ад? - Спросил он.

Но на деле это казалось каким-то мычанием, в котором проскакивали какие-то отдельно взятые слова. Потом послышался недовольный плач ребёнка, которого сознание Маркуса приняло за какого-то монстра, и молодой человек дёрнулся. Но на самом деле он остался лежать почти не двигаясь. И ему стало страшно. Очень страшно.

Но вдруг дышать стало чуточку легче, и он осторожно вдонул воздух. А потом посмотрел на Маргариту, которая находилась недалеко.

- Я не могу пошевелиться. Мне... страшно... - прохрипел он, слыша сам себя, - меня тошнит... - По виску стекла слеза.

Джун Мотидзуки

Джун практически ни когда не болел, но вот всевозможные синяки и ссадины в детстве получал регулярно, так что лечение для него долгое время было связано с мягкой материнской заботой. Но за последнее время его кругозор, в этом плане, сильно расширился, сведя его с мастером Грей, а вот теперь и с Маргаритой, рядом с которыми он предпочитал лишний раз не открывать рта, когда те были заняты работой. Поэтому, пока рыжеволосая жена его брата, проводила все необходимые манипуляции, юноша просто лежал, стараясь даже головой не ворочать, хотя ему дико хотелось посмотреть, как там Маркус, которому, судя по звукам, становилось все хуже.

- Спасибо, нэ-сан, - негромко произнес Джун, когда Маргарита закончила заниматься им и перешла к Маркусу. - Я твой должник. Может, я могу тебе чем-то помочь?

Он ничего не понимал в лечении альтернативными способами, да и чувствовал себя еще достаточно слабо по сравнению со своим обычным состоянием, но с задачей поить больного или его придерживать, молодой человек вполне бы справился, намекни ему Маргарита о подобной необходимости. Поскольку лежать и "купаться" в чувстве собственной вины, в очередной раз напоминая себе, что именно он стал причиной плачевного состояния Маркуса, становилось просто невыносимо.

Маргарита Эрнандес

- Лежи уже и восстанавливайся, - отмахнулась Маргарита от предложения Джуна. - В наказание за мое потраченное время и попорченные нервы будешь с завтрашнего дня сидеть с Рэном в течение недели, минимум, по три часа.

Описывать все ужасы грядущего наказания Маргарита не стала, поскольку Маркус,

который до этого своими бредовыми высказываниями немного напугал несчастную девушку, желаящую ему помочь, стал очень плох, в очередной раз напоминая, почему она не любила возиться с двумя пациентами разом. Естественно, пока она занималась Джуном, ша-цы успела распространиться за пределы легких, задавая ей новую непростую задачу, решением которой она и занялась, стараясь сильно не отвлекаться на страдания своего пациента.

- Потерпи, скоро тебе легче станет. Не помрешь ты здесь, не надейся. - Посчитав, что этих слов вполне достаточно, Маргарита полностью сосредоточилась на работе, надеясь, что в результате ее стараний тошнота тоже пройдет и ей не придется "наслаждаться" малопривлекательным зрелищем. И, через какое-то, по ее меркам, безумное количество времени, смогла сбросить ша-цы, облегченно выдохнуть и утереть пот со лба, давая себе временную передышку, перед тем как приступить к возне с ранами, что было бы не так и сложно, не устань она до этого из-за работы с отравлениями сразу у двух непростых пациентов.

Маркус Агирре

Сознание постепенно прояснялось, и он снова закрыл глаза. Так было проще, намного проще. Голоса исчезали, а потом появлялись снова, и он понял, что вряд ли уносился в забытие, а потом возвращался в реальность. Скорее всего, просто в какой-то момент люди перестали разговаривать, а Маргарита, которую он сначала принял за сон, работала и просила никого не мешать ей.

Девушка, которую он принял сначала за посланницу дьявола, которая пришла за ним, сидела неподалеку и испуганно смотрела на него. Он слабо улыбнулся и почувствовал, как губы растягиваются в улыбке. Потом слабо пошевелил рукой и сжал в кулак.

- Я могу двигаться, - неожиданно громко сказал он и вздрогнул. Заплакал ребенок, и он покраснел и вздрогнул. - Я... спасибо вам, сифу Мо... Эрнандес?

Джун Мотидзуки

Джун ненавидел чувствовать себя беспомощным, но, понимая, что от него сейчас нет никакой пользы, постарался собраться, для чего сделал несколько глубоких вдохов, наслаждаясь свежестью горного воздуха. Второй раз за свою жизнь он чувствовал близость смерти, и сейчас ему было намного тяжелее, поскольку Джун любил жизнь и за последний год стал любить ее еще больше, обретая даже больше того, на что мог рассчитывать. И раз уж стараниями Маркуса и Маргариты он не отправился на тот свет, Джун хотел как можно быстрее набраться сил, чтобы иметь возможность их отблагодарить, а для начала вернуться в монастырь и крепко обнять Доминику, которую мог так бездарно потерять по собственной глупости.

Маргарита продолжала заниматься Маркусом, и Джун с облегчением заметил, что тому становится лучше. Конечно, он не сомневался в способностях своей, в каком-то смысле, сестры, но ему нелегко было справиться с эмоциями, из-за которых в голове возникали не самые правильные мысли, не несущие ничего кроме вреда. Поэтому юноша радовался возможности опровергнуть свои иррациональные подозрения и немного расслабиться, радуясь удачному стечению обстоятельств. Ведь не появился в деревне Маркус и не дежурь в лазарете Маргарита, знающая толк

не только во врачевании, но и магии Огня, все могло сложиться иначе. И после такого, Джун был даже готов сидеть каждый день с племянником, пусть и догадывался, что этот эксперимент должен закончиться колоссальным провалом.

Маргарита Эрнандес

Маргарита любила видеть результаты своих трудов, поэтому живенькое копошение Маркуса, контрастирующее с молчанием Джуна, заметно подняло ей настроение, хоть и мешало продолжить работу.

- Благодарить будешь, когда я закончу, - строго произнесла Рита, качая головой. Парень уже не первый раз за сегодня пытался привесить ей новую фамилию, которую она, несмотря на замужество, решила не менять, что наверняка не вызывало особого восторга у ее новых родственников.

Поскольку первую помощь в том, что касалось ран, она уже оказала, Маргарита решила перейти непосредственно к заживлению, для начала быстро пройдясь, в первую очередь из-за ожога, голубой энергией, обеззараживая раневую поверхность. Ну а дальше все было относительно просто - заживить раны желтой энергией, работать которой Маргарите было намного проще и приятнее, чем оранжевой, и, в довершение, убрать шрамы синей, чтобы молодой симпатичный парень не выглядел, как старый пират, встречавшийся с кучей врагов и горевший вместе со своим судном.

-Так, все основное я убрала, - сообщила Маргарита, чувствуя, что на сегодня подвиги для нее закончены. - А, и это касается вас обоих, с многочисленными мелкими синяками и ссадинами справляйтесь сами. В следующий раз будете думать, прежде чем по подозрительным домам лазать.

В памяти всплыл разговор с местной жительницей, состоявшийся по дороге в лазарет, и Маргарита перевела внимательный взгляд на Джуна, который, как она поняла, попал в дом намного раньше Маркуса.

- Ты успел кому-нибудь насолить? - решила уточнить Рита. - По тому, что я услышала о характере возгорания, это очень похоже на поджог. Интересно, это чья-то плохая шутка или кто-то действительно нацеливался на тебя?

Зная Джуна, Маргарита с огромным трудом представляла, что этот доброжелательный парень мог обзавестись врагами, так что склонялась к первому варианту, но она могла о чем-то и не знать, поэтому посчитала своим долгом предупредить юношу, чтобы тот в будущем проявлял осторожность.

Маркус Агирре

Дышать с каждым новым вдохом становилось легче, и это несказанно радовало. Вернулась подвижность конечностей, правда из-за общей слабости встать не предстояло возможным. Он посмотрел на девушку, что некоторое время назад поила его водой.

- Можно мне воды? Простите, если напугал вас, - тихо прошептал он, стараясь делать свой голос нормальным. Сделал он это после того, как Маргарита закончила

манипуляции с ним и вернулась к Джуну. О чем она его спрашивала Маркус не разобрал, но решил сосредоточить свое внимание на девушке, которая присматривала за ребенком.

Девушка снова осторожно приподняла его голову и напоила водой. Он сделал несколько глотков и закрыл глаза.

- Маргарита, я... спасибо вам за помощь. Я... хочу спать... - пробормотал он, приподнимаясь на локтях и глядя на девушку. А потом вернулся в исходное положение и закрыл глаза.

Джун Мотидзуки

Процесс лечения Маркуса постепенно подходил к концу, и Джун все больше расслаблялся ровно до того момента, как услышал о поджоге. Он и сам уже пришел к выводу, что на случайное возгорание это совсем не походило, но прямой вопрос Маргариты заставил его посмотреть на все с другой стороны. Джун сомневался, что успел завести недоброжелателей, но если целью поджога было напугать или даже убить его, единственной причиной юноша бы сейчас назвал свой повышенный интерес к старому дому. Деревенские жители видели, как он чуть ли не ежедневно приходит туда ради своих экспериментов, и кому-то это могло не понравиться, поскольку раньше в его сторону агрессии никто, кроме людей Асаки, никогда не проявлял.

Маркус объявил о своем желании поспать, и, хоть Джун и не собирался следовать его примеру, обвел взглядом помещение деревенского лазарета и прикрыл глаза. Перед глазами возникла последняя увиденная картинка - уставшая Маргарита-сан и девушка с двумя черными косами, чем-то похожая на главную героиню его видений. На секунду юноша захотел открыть глаза, чтобы посмотреть на нее внимательнее, но, решив, что на сегодня сыт загадками старого дома по горло, постарался хотя бы пятнадцать минут не думать о мертвых девушках и всевозможных сходствах, представил родное лицо Доминики, которая ждала его сейчас где-то в монастыре.

Маргарита Эрнандес

Наконец, мальчики уgomонились, решив то ли поспать, то ли просто полежать и немного отдохнуть, и Маргарита позволила себе окончательно расслабиться. Она очень надеялась, что больные сегодня в лазарет больше не явятся, если из монастыря никто не придет к ней в помощь. Рита очень устала и физически и морально, чувствуя, что больше не может торчать в четырех стенах.

- Цэрин, большое спасибо тебе за сегодня, - обратилась Маргарита к девушке, показавшей себя очень толковой помощницей. - Я возьму Рэна и немного проветрюсь, а ты, пожалуйста, присмотри за этими погорельцами.

Дождавшись согласия девушки, Рита взяла сына, на счастье переставшего плакать и даже пытающегося уснуть, на руки и вышла из лазарета, вдыхая воздух полной грудью. Она была рада, что вернувшись домой сможет сообщить Сэтоши, что его брат жив и здоров, но ее угнетало нехорошее предчувствие, которое, конечно, могло быть обычным следствием усталости, поскольку способностей к прорицанию у нее не имелось и в помине.

